
Пролетаріи всѣхъ странъ, соединяйтесь!
Красное Знамя.
Пѣсни и стихи революціи.
1918 г.
Составила Е. Окулова.
Цѣна 50 к.
Красноярскъ, эл.-типо-лит. М. Кохановской.

ОГЛАВЛЕНІЕ.

Революція 1905 года

Предисловіе.

Въ предлагаемомъ сборникѣ помѣщены революціонные стихи и пѣсни изъ разныхъ періодовъ русской жизни.

Начинается онъ „Дубинушкой“, напоминающей намъ то время, когда повсюду на Руси царилъ помѣщикъ, когда фабрикъ и заводовъ было мало. „Дубинушка“, это—символъ старой отжившей Россіи, символъ народнаго непосильнаго труда. „Дубинушку“, пѣвали на своихъ вечеринкахъ и прогулкахъ десятки студенческихъ поколѣній; на ней и на другихъ студенческихъ пѣсняхъ отдыхала душа жаждавшей свободы и свѣта молодежи.

Пало крѣпостное право, но рабская зависимость крестьянъ отъ помѣщиковъ—чиновниковъ и царскаго самодержавія осталась. Ревниво оберегало царское правительство крестьянъ отъ всякаго свѣта, отъ всякихъ смѣлыхъ и вольныхъ идей. И жестоко преслѣдовало оно тѣхъ немногихъ смѣлыхъ и честныхъ выходцевъ изъ богатыхъ классовъ-„интеллигентовъ-разночинцевъ,“ кто переодѣвшись въ простое платье, шелъ въ народъ проповѣдывать ему идеи свободы и соціализма. Сознаніе народа еще спало; сила царскихъ штыковъ была несокрушима. Жизнью и свободой заплатили „землевольцы“ за свое „хожденіе въ народъ“. Стало ясно, что пути къ народу закрыты, пока не свергнуто самодержавіе. На борьбу съ нимъ отдала всѣ свои силы партія „Народной Воли“. Отъ ея руки палъ Александръ II, но самодержавіе осталось; на престолъ вступилъ Александръ III. Безстрашные герои погибли отъ руки царскихъ палачей. Началась реакція; уныніе и разочарованіе охватило Россію.

Пѣсни народовольцевъ говорятъ намъ объ этой неравной борьбѣ, о мученіяхъ, о смерти этихъ героевъ. Въ нихъ звучитъ надежда, что борьба ихъ не будетъ безплодна, что на смѣну имъ „подымется мститель суровый и будетъ онъ насъ посильнѣй.“

И этого „суроваго мстителя“ выдвигаетъ сама жизнь.

Послѣ отмѣны крѣпостного права въ Россіи быстро растетъ число фабрикъ и заводовъ; выступаютъ на сцену новые

„хозяева жизни“ купцы и фабриканты. Растетъ число наемныхъ рабочихъ. „Дубинушку“ смѣняетъ „Машинушка“. Но машиной управляютъ уже не прежніе безотвѣтные рабы. Наемные рабочіе сильны своей сплоченностью и организованностью; ихъ объединяютъ многоэтажные корпуса фабрикъ, общій трудъ и общія страданія.

Новыя пѣсни появляются на свѣтъ-пѣсни рабочаго люда. Въ нихъ поется о тяжеломъ положеніи рабочихъ; въ нихъ звучитъ гордый вызовъ всѣмъ врагамъ—всѣмъ царямъ, всѣмъ паразитамъ трудящихся массъ. Онѣ насъ зовутъ къ союзу съ рабочими всѣхъ странъ, въ свѣтлое царство соціализма.

Въ 80-хъ годахъ вспыхиваютъ первыя стачки. Съ ростомъ сознанія рабочихъ онѣ возникаютъ все чаще и чаще. Царское самодержавіе видитъ передъ собой новаго болѣе грознаго врага и направляетъ на него всѣ орудія государственной власти и порабощенія: армію, полицію, казаковъ, жандармерію и цѣлую свору шпіоновъ и провокаторовъ. Тюрьмы, ссылка и каторга наполняются рабочими и интеллигентами—соціалъ—демократами.

Проходитъ около 20 лѣтъ со времени первыхъ стачекъ.

Наступаетъ 1905 годъ. Волна всеобщей стачки прокатывается по всей Россіи. Въ городахъ завязывается баррикадная борьба. Опять герои борцы, но ихъ уже много, это—рабочіе, труженники всѣхъ категорій. Многіе изъ нихъ погибаютъ, даже имена ихъ часто остаются неизвѣстными Россіи. Но славный подвигъ ихъ недѣлается отъ этого меньше.

Если раньше, въ эпоху „Земли и Воли“ и „Народной Воли,“ въ пѣсняхъ пѣлось объ отдѣльныхъ герояхъ, отдающихъ свою жизнь за благо народа, то въ пѣсняхъ 1905 г. слышится уже бурный натискъ народныхъ массъ- и массовыя стачки и баррикадная борьба, и вихри—поѣзда, ускользающіе изъ-подъ обстрѣла правительственныхъ войскъ.

Проходитъ еще 12 лѣтъ. Міровая война всколыхнула всѣ страны, она выгнала крестьянина изъ его околицы, столкнула его съ другими людьми и цѣлыми народами, она показала ему во всей красѣ наше царское самодержавіе и ненасытную жадность капиталистовъ.

Крестьянинъ—солдатъ и рабочій протянули другъ другу руки и царское самодержавіе развалилось, какъ карточный домикъ. Но война не прекратилась, п. ч. капиталисты еще господствуютъ во всѣхъ странахъ, они еще не подѣлили между собой награбленнаго и они хотятъ „войны до побѣднаго конца“. Во всѣхъ странахъ передъ глазами пролетаріата одна и таже картина: съ одной стороны-кучка капиталистовъ, наживающая неслыханные барыши, желающая

грабить чужую землю или защищать то, что было награблено раньше, съ другой—огромная масса народа, истекающая кровью, теряющая свое послѣднее достояніе, теряющая на поляхъ сраженія все дорогое, что она имѣла въ жизни.

Слезы и кровь зовутъ къ мести. Просыпаются рабочіе всѣхъ странъ. Все громче и повелительнѣе слышится призывъ: „Пролетаріи всѣхъ странъ, соединяйтесъ!“, все глубже и глубже западаетъ онъ въ сердца трудящихся.

И въ пѣсняхъ послѣднихъ дней мы слышимъ эти первые раскаты надвигающейся міровой бури, проклятіе войнѣ и господству всемірнаго капитала; мы слышимъ въ нихъ боевой кличъ рабочихъ и солдатъ—крестьянъ, зовущихъ насъ впередъ, къ братству всѣхъ революціонныхъ народовъ, къ побѣдѣ трудящихся.

Гимномъ этого международнаго братства рабочихъ, зовущихъ насъ въ послѣдній, рѣшительный бой съ всемірнымъ капиталомъ мы и кончаемъ нашъ сборникъ. Однимъ и тѣмъ же мотивомъ, одними и тѣми же словами только на разныхъ языкахъ онъ поется рабочими всѣхъ странъ.

Да здравствуетъ братское единеніе всѣхъ трудяихщся!

Да здравствуетъ международная соціалистическая революція.!

E. O.

Красноярскъ
21 іюля 1917 г.

ДУБИНУШКА.

Много пѣсенъ слыхалъ я въ родной сторонѣ,
Не про радость—про горе въ нихъ пѣли;
Изъ всѣхъ пѣсенъ одна въ память врѣзалась мнѣ
Это—пѣсня рабочей артели:
Эхъ, дубинушка, ухнемъ!
Эхъ, зеленая, сама пойдетъ!
Подернемъ! Подернемъ! Да ухнемъ!
Англичанинъ-хитрецъ, чтобъ работѣ помочь,
Изобрѣлъ за машиной машину,
А нашъ русскій мужикъ, коль работать не въ мочь,
—Онъ затянетъ родную дубину.
Эхъ, дубинушка... и т. д.
И отъ дѣдовъ къ отцамъ, отъ отцовъ къ сыновьямъ
Эта пѣсня идетъ по наслѣдству,
И лишь только, какъ станетъ работать не въ мочь,
Мы къ дубинѣ, какъ къ вѣрному средству.
Эхъ, дубинушка... и т. д.
Умирая, отецъ завѣщалъ сыновьямъ
Все слѣпую покорность судьбинѣ,
Да холодный очагъ, да пустую избу,
Да унылую пѣснь про дубину.
Эхъ, дубинушка... и т. д.
Тянемъ съ лѣсомъ судно, иль желѣзо куемъ,
Иль въ Сибири руду добываемъ,
Съ мукой, съ болью въ груди одну пѣсню поемъ,
Про дубину въ ней все вспоминаемъ.
Эхъ, дубинушка... и т. д.
И на матушкѣ Волгѣ, великой рѣкѣ,
Мы ломаемъ и ноги, и спину,
Но намъ легче идти по колѣно въ пескѣ,
Коль затянемъ родную дубину.
Эхъ, дубинушка.. и т. д.
По дорогѣ большой, что на сѣверъ ведетъ,
Что Владимирской изстарь зовется,
Цвѣтъ Россіи идетъ, канцалами гремитъ,
И „дубинушка“ стройно несется
Эхъ, дубинушка... и т. д.
Насъ и мучатъ, и бьютъ, насъ и въ цѣпи куютъ,
Намъ терзаютъ избитую спину,
Но довольно терпѣть, не пора-ль намъ запѣть
На иной ладъ про ту-же дубину?
Эхъ, дубинушка.. и т. д.
Но настанетъ пора, и проснется народъ:
Разогнетъ онъ могучую спину
И въ родимыхъ лѣсахъ на враговъ изберетъ
Здоровѣе и крѣпче дубину!
Эхъ, дубинушка... и т. д.

ВСЕ-БЫ СЪ МАМКОЙ, ВСЕ-БЫ СЪ НЯНЬКОЮ.

Эхъ, мужикъ! И смѣхъ, и горюшко
На тебя глядѣть, какъ маешься!
Все сидишь да ждешь у морюшка,
Все начальствомъ пробавляешься!..
И отколь въ тебѣ терпѣніе?
Какъ душа-то не соскучится?
Все, чай, ждешь: авось рѣшеніе
По начальству, вдругъ, получится?
Тамъ, молъ, въ Питерѣ радѣтели
Нашимъ дѣломъ занимаются—
Ужъ они, молъ, благодѣтели,
Не обидятъ, постараются!
Позаймутся нашей долею,
Манифестъ объявятъ дарственный,
Да придутъ съ землей да съ волею
Къ намъ изъ Думы Государственной.
Вотъ заступниковъ, молъ, нажили
Все устроятъ благодѣтели!
Мы-бъ, молъ, ихъ тогда уважили,
Хлѣбомъ - солью всѣхъ-бы встрѣтили.
А потомъ — глотай готовое,
Что у нихъ для насъ нажевано!
Эхъ, дитя ты непутевое,
Дури - страсть въ тебѣ насовано!
Самому-то, знать, умишкою
Пораскинуть охъ! не хочется:
Какъ устроиться съ землишкою,
Какъ молъ въ жизни намъ упрочиться.
Чтобъ-де мы, крестьяне, сами-то
Весь мірской порядокъ вѣдали;
Молъ, вѣрнѣй тогда межъ нами-то
Мы-бы кривдѣ ходу не дали...
Видно, такъ-то больше нравится:
Легъ—лежи, да жуй мякинушку,
—Тамъ другой, молъ, съ дѣломъ справится
За меня рѣшитъ, дѣтинушку?
Эхъ мужикъ! Не много лестнаго
Почитаться дурнемъ—Ванькою!
—Самъ боишься дѣла честнаго,
Все-бы съ мамкой, все-бы съ нянькою!
Все за нянюшкой гоняешься,
Если подъ носомъ не вытерю;
Все на Питеръ полагаешься,—
Эхъ, далеко, парень, Питеръ то!

КРЕСТЬЯНСКАЯ МАРСЕЛЬЕЗА.

Отпустили крестьянъ на свободу
Въ девятнадцатый день февраля,
Только землю не дали народу—
Вотъ вамъ милость дворянъ и царя!
Вставай, поднимайся, рабочій народъ,
Вставай на врага, людъ голодный,
Раздайся, раздайся, кличъ мести народной.
Впередъ, впередъ, впередъ!
Безъ земли мужики пропадають,
А дворяне и рады тому,
Что дешевле они нанимаютъ
Батраковъ на работу свою.
Вставай, поднимайся и т. д.
Чтобы съ голоду намъ не подохнуть,
Мы къ дворянамъ работать идемъ,
И живетъ эта жадная свора,
Всѣ живутъ они нашимъ трудомъ.
Вставай и т. д.
Коровенку за подать продали,
Лошаденку за долгъ баринъ взялъ,
А безъ лошади какъ намъ работать?
Попъ твердитъ: „Это Богъ наказалъ!"
Вставай, поднимайся и т. д.
Донимаетъ насъ земскій начальникъ
А урядникъ дохнуть не даетъ,
Попъ пугаетъ насъ адомъ кромѣшнымъ
И остатки за требу беретъ.
Вставай, и т. д.
Сыновей нашихъ гонятъ въ солдаты,
Обучаютъ изъ ружей стрѣлять
Для того, чтобъ, когда возмутимся,
Можно было насъ всѣхъ разстрѣлять!
Вставай, и т. д.
Но довольно терпѣть намъ обиду,
Предъ дворянами гнуться въ дугу,
Разогнемъ мы могучую спину
И покажемъ всю силу врагу!
Вставай, и т. д.
Собирайтесь-же, братцы, толпою,
Отберемъ мы дворцы богачей
И подѣлимъ мы матушку землю,
И не будемъ платить податей!

Вставай, поднимайся и т. д.

МАШИНУШКА.

За годами года проходили чредой,
Измѣнилась родная картина,
И дубина съ сохой отошли на покой —
Ихъ смѣнила царица-машина.
Эхъ, машинушка, ухнемъ!
Эхъ, желѣзная, сама пойдетъ!
Наладимъ, да смажемъ,
Да пустимъ!
Старый строй разрушалъ капиталъ властелинъ,
Съ корнемъ рвалъ онъ дворянскіе роды;
Мужиковъ и ребятъ изъ родныхъ палестинъ
Гналъ на фабрики, верфи, заводы.
Эхъ, машинушка, ухнемъ! и т. д.
Гдѣ дворянская жизнь, что лилася рѣкой?
Ужъ не гнутся на барщинѣ спины:
Правитъ Русью купецъ золотою мошной,
Мужиковъ превратилъ онъ въ машины.
Эхъ, машинушка,.. и т. д.
Знать, англійскій урокъ не пропалъ,-пошелъ въ прокъ,
Поумнѣлъ нашъ россійскій купчина.
Лишь рабочій порой вопрошаетъ съ тоской:
„Что тяжеле—соха аль машина?“
Эхъ, машинушка, ухнемъ и т. д.
Безъ бояръ и дворянъ оказался нашъ царь,
Кто поддержитъ тебя, сиротина?
Кто опорой тебѣ будетъ въ новой судьбѣ,
Кто замѣнитъ тебѣ дворянина?
Эхъ, машинушка, и т. д.
Но нашъ царь не сплошалъ-онъ купца обласкалъ
И купецъ ему нынѣ опора.
А нашъ русскій мужикъ ужъ къ машинѣ привыкъ—
Его гложетъ купецкая свора.
Эхъ, машинушка... и т. д.
Но страшись, грозный царь, мы не будемъ, какъ встарь,
Безотвѣтно сносить свое горе—
За волною волна поднялася отъ сна,
Людъ рабочій бушуетъ, какъ море.
Эхъ, машинушка... и т. д.
Мы разрушимъ въ конецъ твой роскошный дворецъ,
Только пепелъ оставимъ отъ трона,
И порфиру твою мы отымемъ въ бою
И порѣжемъ ее на знамена.
Эхъ, машинушка.. и т. д.
Фабрикантовъ-купцовъ, твоихъ вѣрныхъ сыновъ,
Точно пыль, мы развѣемъ по полю,

И на мѣстѣ вражды да суровой нужды
Установимъ мы братство и волю!
Эхъ, машинушка... и т. д.

ИЗЪ СТИХОТВОРЕНІЯ «УГЛЕКОПЫ.»

Мы уголь ломаемъ, кусокъ за кускомъ,
Подъ мелкимъ подземнымъ дождемъ.
Сквозь камень и воду, сквозь глину съ пескомъ
Мы узкія штольни ведемъ.
Крѣпче, мой молотъ, сильнѣе ударь,
Мой черный, увѣсистый молотъ!
Нашъ вѣчный погонщикъ, и сторожъ, и царь —
Жестокій, мучительный голодъ.
Пусть камень сорвется, пусть лопнетъ бадья.
Окончевъ послѣдній разсчетъ.
Шахтеръ, предъ тобою могила твоя,
Ты самъ ее вырылъ, какъ кротъ.
Ты самъ ее вырылъ въ утробѣ земной,
По двадцать копеекъ за футъ:
Голодные люди дешевой цѣной
На гибель себя продаютъ.
Мы солнца не видимъ. Какъ пасмурный сонъ,
Проходятъ во тьмѣ наши дни;
Когда изъ колодца мы вылѣземъ вонъ,
Ужъ въ окнахъ мелькаютъ огни,
Да звѣзды мерцаютъ такъ низко вдали
И шлютъ намъ холодный привѣтъ
За то, что одни мы для цѣлой земли
Тепло добываемъ и свѣтъ.
Тамъ пахнетъ зеленой и свѣжей весной
А здѣсь-ядовитый - угаръ.
Смертельные газы висятъ пеленой,
И носится взрыва кошмаръ.
Здѣсь бездна сіяетъ, куда ни ступи,
И смерть притаилась въ углу.
Шахтеръ подъ землею, молчи и терпи
Ты самъ поступилъ въ кабалу!...
Крѣпче. мой молотъ, ударь посильнѣй,
Пора уходить намъ домой...
Мы солнца не видимъ въ недѣлю шесть дней,
А счастья не видимъ въ седьмой

НАБОРЩИКЪ.

Закоптѣлыя окна и стѣны,
Затхлый воздухъ и пыль, полумракъ...

Коротаетъ свой вѣкъ здѣсь безъ смѣны
Безталанный наборщикъ - батракъ.
Цѣлый день этой пыли свинцовой
Наглотается онъ черезъ край,
А на завтра глотай ее снова
Набирай, набирай, набирай!
Безъ рубашки подъ блузой суровой
Отъ ботинокъ лишь остовъ одинъ..,
То - невольникъ печатнаго слова
То - „державы шестой" гражданинъ.
И трудяся всю жизнь терпѣливо,
Сытъ ли, голоденъ - не разбирай
Знай строчи да строчи молчаливо,
Набирай, набирай, набирай!
Если жъ трудъ подорветъ его силы
И заноетъ разбитая грудь, —
До безвременной хладной могилы
Не далекъ остается ужъ путь:
Лишь румянецъ вдругъ алый взыграетъ
На щекахъ пожелтѣвшихъ, - прощай,
Другъ - товарищъ, - то смерть ожидаетъ...
Набирай, набирай, набирай!

ПЧЕЛКИ.

Мы бѣдныя пчелки, работницы пчелки.
И ночью, и днемъ все мелькаютъ иголки.
Въ измученныхъ нашихъ рукахъ.
Мы солнца не видимъ, мы счастья не знаемъ,
Закончимъ работу и вновь начинаемъ
Съ покорной тоскою въ сердцахъ.
Былъ праздникъ недавно-чужой: насъ не звали,
Но мы потихоньку туда прибѣжали
Взглянуть на веселье других.
Гремѣли оркестры на пышныхъ эстрадахъ,
Кружилися трутни въ богатыхъ нарядахъ,
Въ шитьѣ и камняхъ дорогихъ;
Мелькало роскошное платье за платьемъ,
И каждый стежокъ въ нихъ былъ нашимъ проклятьемъ
И мукою каждая нить!
Мы долго смотрѣли безъ вздоха, безъ слова
Такой красоты и веселья такого
Мы были не въ силахъ простить!
Чѣмъ громче лились ликованія звуки,
Тѣмъ ныли больнѣе усталыя руки,
И жить становилось не въ мочь!

Мы видѣли радость, мы поняли счатье,
Безпечности смѣхъ, торжество самовластья...
Мы долго не спали въ ту ночь.
Въ ту ночь до разсвѣта мелькала иголка,
Сшивали мы полосы краснаго шелка
Полотнищемъ длиннымъ, прямымъ...
Мы сшили кровавое знамя свободы,
Мы будемъ таить его долгіе годы,
Но мы не разстанемся съ нимъ!
Все слушаемъ мы-не забьетъ ли тревога,
Не стукнетъ-ли жданный сигналъ у порога,
Намъ чужды и жалость, и страхъ!
Мы-бѣдныя пчелки, работницы-пчелки,
Мы ждемъ... и проворно мелькаютъ иголки
Въ измученныхъ нашихъ рукахъ.

---

* * *

Изъ душной смрадной мастерской
Громаднаго завода
Зоветъ, настойчиво зоветъ,
Рабочаго природа:
„Смотри, какъярокъ солнца, лучъ,
Какъ небеса глубоки!
Какъ тихо вѣетъ вѣтерокъ,
Скользя въ листахъ осоки!
Просторъ, приволье; воздухъ чистъ,
Луга звенятъ травою;
Рожь колосится и шумитъ,
Цѣпляясь съ лебедою“.
Онъ слышитъ сердцемъ этотъ зовъ
Онъ отъ станка рванулся,
Но на порогѣ мастерской
Вздохнулъ-къ станку вернулся.
Онъ не прикованъ цѣпью, нѣтъ!
Въ движеньяхъ онъсвободенъ,
Но лишь уйдетъ изъ этихъ стѣнъ,
И нагъ онъ и голоденъ.
Пусть онъ усталъ, пусть ноетъ грудь,
Бороться съ сномъ нѣтъ мочи,
Пили, точи, сверли и куй
Съ утра до поздней ночи...
И это онъ, онъ человѣкъ,
Онъ славный царь природы!
Онъ жалкій рабъ стальныхъ машинъ,
Онъ пасынокъ свободы!

ОТЕЦЪ.

Одинъ, какъ въ небѣ солнышко,
Сыночекъ у меня.
Съ нимъ я богатъ безъ золота,
Съ нимъ—въ горѣ веселъ я!

Но рѣдко, рѣдко вижу я
Малютку моего:
Ночь стережетъ ужъ темная
Глубокій сонъ его,

Когда приду съ работы я
Въ свой тихій уголокъ;
А чуть заря забрезжила,
Опять завылъ гудокъ!...

Откроетъ дверь мнѣ вечеромъ
Печальная жена,—
Тотчасъ о нашемъ мальчикѣ
Начнетъ разсказъ она:

Какъ онъ рѣзвится весело,
Лепечетъ день-деньской:
„Когда же добрый папочка
Придетъ играть со мной?"

Я съ дрожью въ сердцѣ слушаю...
—Да, да! ты правъ сынокъ:
Отца увидѣть долженъ ты...
Я здѣсь, я здѣсь, дружокъ!

Въ постелькѣ разметался онъ...
Тревожныхъ сновъ толпа
Плыветъ надъ нимъ... И шепчетъ онъ:
„Гдѣ па, гдѣ милый па?"

Его цѣлую въ глазки я,
И вотъ глядятъ они,—
Двѣ ясныхъ незабудочки...
—Дитя, я тутъ... Взгляни! —

Но снова поплыла надъ нимъ
Туманныхъ сновъ толпа;
Лишь губки смѣхомъ дрогнули
„О, гдѣ же, гдѣ же па?"

Я, руки крѣпко стиснувши,
Стою, разбитый весь...
—Дитя! проснешься съ солнцемъ ты—
Меня не будемъ здѣсь.

ВОЛЬНЫЙ РАБОЧІЙ

Улицей узкою, шумной и бѣдной
Шелъ, опустивъ воспаленныя очи,
Въ грязныхъ лохмотьяхъ, дрожащій и блѣдный,
„Вольный рабочій“
Вольный! Онъ можетъ, гдѣ хочетъ, скитаться,
Можетъ бродить онъ по улицамъ шумнымъ,
Можетъ онъ плакать и можетъ смѣяться
Смѣхомъ безумнымъ
Можетъ стучаться онъ въ каждыя двери:
Голода муки никто не замѣтитъ —
Сытые люди бездушны, какъ звѣри,
Смѣхъ лишь онъ встрѣтитъ.
Съ горькимъ проклятьемъ и жгучимъ укоромъ
Можетъ замерзнуть онъ ночью холодной,
Иль умереть гдѣ нибудь подъ заборомъ
Смертью голодной.
Что-же онъ сталъ? Иль себя онъ боится?
Дико глядятъ воспаленныя очи...
Что ему нужно? Вѣдь воленъ какъ птица
„Вольный .рабочій!“

МЫ НЫНЧЕ БУДЕМЪ ГОЛОДАТЬ.

Мы нынче будемъ голодать
И завтра... много дней...
Глядѣть съ укоромъ будетъ мать,
А дѣти плакать съ ней.
Но сердце стиснемъ мы въ груди,
Чтобъ долгъ свой не забыть
Смерть не пугаетъ впереди
Когда страшнѣе жить.
Восходитъ солнце каждый день,
Весна ласкаетъ глазъ,
Лѣса зовутъ въ родную сѣнь—
Все это не для насъ:
Съ зари должны мы до зари
Трудиться цѣлый вѣкъ.
Кто жилъ рабомъ, тотъ хоть умри,
Какъ вольный человѣкъ!
Намъ ночью снится свистъ ремней,
И гулъ машинъ, и паръ,
Но на яву еще грознѣй,
Еще больнѣй кошмаръ.

Ужели также въ кабалѣ
И нашимъ дѣтямъ жить!?
Коль правды нѣтъ въ родной землѣ,
Пора ее добыть!
Поили потомъ землю мы—
И кровью напоимъ—
Тотъ побѣдитъ упорство тьмы,
Чей духъ непобѣдимъ!

ВЪ ГАВАНИ.

Рабочій шумный день свиститъ, звенитъ, грохочетъ,
Не молкнетъ стукъ колесъ по жесткой мостовой...
Но суеты людской природа знать не хочетъ,
Сіяютъ небеса прозрачной синевой
Лежитъ волна кругомъ лазурною пустыней
И въ небо уходя, сверкаетъ гранью синей.
Съ тяжелой ношею какъ мулы, другъ за другомъ
Они идутъ, идутъ... Нерасторжимымъ кругомъ
Ихъ жизнь очерчена. Сегодня что вчера:
Тупой, тяжелый трудъ, гнетущій трудъ съ утра
До вечера... Ихъ жизнь течетъ, какъ сонъ угрюмый,
И мрачно въ ихъ сердцахъ, и бродятъ злыя думы.
По лицамъ бронзовымъ струится грязный потъ
Мучительная власть страданій и заботъ
На лбу ихъ провела глубокія морщины
И молодымъ, порой, уже вплела сѣдины...
Кого здѣсь только нѣтъ! Суровая нужда
Волной страданія племенъ различья смыла
И въ дружную семью ихъ всѣхъ объединила.
Вотъ—русскій, турокъ, грекъ... И гдѣ же ихъ вражда?
Здѣсь только жалкій рабъ своей судьбы печальной,
Здѣсь только человѣкъ съ душой многострадальной,
Раздавленный подъ молотомъ труда!

ТКАЧИ.

(Соч. нѣмецкаго поэта Гейне).

Глаза ихъ сухіе не блещутъ слезами,
Сидятъ у станковъ и скрежещутъ зубами.
Германія, саванъ тебѣ мы соткемъ,
Въ него мы тройное проклятье вплетемъ!
Мы ткемъ, неустанно мы ткемъ!
Проклятіе богу, предъ кѣмъ мы съ мольбою
Склонялися въ голодъ и холодъ зимою!

Напрасно мы ждали, надежды полны,
Онъ насъ обманулъ, одурачены мы!
Мы ткемъ, неустанно мы ткемъ!
Проклятье ему, королю всѣхъ счастливыхъ,
Не жаль ему насъ, бѣдняковъ терпѣливыхъ,
Послѣдній онъ грошъ отнимаетъ у насъ...
„*Стрѣлять посабакамъ*"! онъ отдалъ приказъ.
Мы ткемъ, неустанно мы ткемъ!
Проклятье тебѣ, о, нашъ край лицемѣрный,
Гдѣ царствуетъ стыдъ и позоръ безпримѣрный,
Гдѣ въ мигъ увядаетъ цвѣтокъ полевой,
Гдѣ кормится тлѣньемъ червякъ гробовой.
Мы ткемъ, неустанно мы ткемъ!
Челнокъ снуетъ, станокъ гремитъ,
И день, и ночь все ткачъ сидитъ:
„Мы старой Германіи саванъ соткемъ,
Въ него мы тройное проклятье вплетемъ,
Мы ткемъ, неустанно мы ткемъ!

ПЕРВОЕ МАЯ.

Праздникъ свѣтлый и свободный,
Славься, первый майскій день!
Нашъ союзъ международный
Новымъ блескомъ ты одѣнь.
Ужъ проходитъ годъ десятый
Съ той поры, какъ цѣлый свѣтъ
Облетѣлъ призывъ крылатый:
Въ этотъ день работы нѣтъ!
Пусть - же мчится въ общемъ хорѣ,
Міровому гимну вслѣдъ,
Черезъ горы. черезъ море
Нашъ торжественный отвѣтъ.
Надъ Ураломъ и Кавказомъ,
Надъ Невой и надъ Днѣпромъ
Пусть нашъ откликъ грянетъ разомъ,
Какъ весенній первый громъ.
Наша жизнь идетъ въ неволѣ,
Наша родина - тюрьма,
Нѣтъ позорнѣй нашей доли,
Нѣтъ ужаснѣе ярма.
Встаньте, встаньте ратью смѣлой,
Силу далъ намъ бодрый трудъ!
Словно ленъ перегорѣлый,
Наши цѣпи упадутъ.

Развѣ даромъ такъ упорно
Напрягается рука
У пылающаго горна,
У журчащаго станка?
Пусть изъ горна это пламя.
Хлынетъ вонъ живымъ ключомъ,
И освѣтитъ, словно знамя,
Цѣлый міръ своимъ лучомъ.
Нашъ хозяинъ, тароватый
На увертливую ложь,
Соблазняетъ насъ приплатой,
Посуливъ намъ лишній грошъ...
На посулъ его лукавый
Мы дадимъ одинъ отвѣтъ:
Славься, праздникъ величавый,
Въ этотъ день работы нѣтъ!
За хозяиномъ жандармы
Торопливо бьютъ въ набатъ
И выводятъ изъ казармы
Противъ насъ ряды солдатъ.
Насъ угроза не принудитъ,
Нашъ отвѣтъ готовъ давно:
Въ этотъ день труда не будетъ,
Мы рѣшили заодно!
Встаньте братья бодрой ратью
Всѣ въ ряды... Плечо съ плечомъ.
Только дружно встать намъ нужно
Всѣ враги намъ нипочемъ!
Надъ Ураломъ и Кавказомъ,
Надъ Невой и надъ Днѣпромъ
Пусть нашъ голосъ грянетъ разомъ,
Какъ весенній первый громъ!..

СЛУШАЙ.

Какъ дѣло измѣны, какъ совѣсть тирана,
Осенняя ночка темна,
Темнѣе той ночи встаетъ изъ тумана
Видѣніемъ грознымъ тюрьма.
Кругомъ часовые шагаютъ лѣниво,
Въ ночной тишинѣ то и знай—
Какъ стонъ раздается тоскливо, уныло.—
Слу-ш-ай!
Хоть крѣпки высокія стѣны темницы,
Желѣзные крѣпки замки,
Хоть зорки и ночью тюремщиковъ взгляды

И всюду сверкають штыки,
Хоть пусто кругомъ.. Но тюрьма не кладбище
И ты, часовой, не плошай
Не вѣрь тишинѣ, берегися, дружище!
Слу-ш-ай!..
Вотъ узникъ вверху, за рѣшеткой желѣзной,
Стоитъ прислонившись къ окну
И взоръ устремилъ онъ въ даль ночи беззвѣздной
И словно впился въ темноту.
Ни звука кругомъ... То собака зальется
Иль крикнетъ сова невзначай,
Да мѣрно внизу подъ окномъ раздается:
Слу-ш-ай!
Не дни и не мѣсяцы—долгіе годы
Въ тюрьмѣ суждено мнѣ страдать.
А бѣдное сердце такъ жаждетъ свободы!
Нѣтъ, дольше не въ силахъ я ждать!
Здѣсь—штыкъ или пуля. Тамъ—воля святая.
Эхъ, темная ночь, выручай!
Будь узнику ты хоть защитой родная
Слу-ш ай!
Чу, шелестъ... вотъ кто то упалъ, приподнялся,
И два раза щелкнулъ курокъ.
„Кто идетъ?“ Тѣнь мелькнула и выстрѣлъ раздался
И ожилъ, мгновенно острогъ...
Огни засверкали, забѣгали люди...
„Прощай жизнь, свобода! Прощай!“
Прорвалося съ воплемъ изъ раненной груди
Прощай!
И снова все тихо. На небѣ несмѣло
Луна показалась на мигъ
И, словно сквозь слезы, на трупъ посмотрѣла
И скрыла заплаканый ликъ.
Кругомъ часовые шагають уныло..
Въ ночной тишинѣ то и знай
Какъ стонъ раздается протяжно, уныло:
Слу-ш-ай!

МАТЕРИ.

Мнѣ снилось сегодня: въ безвѣстномъ краю
Въ слезахъ я родимую видѣлъ свою.
„Скажи, мой желанный, скажи, дорогой,
Дожду-ли тебя я, соколикъ, домой?
Взгляни: мои очи ослѣпли отъ слезъ
И снѣга бѣлѣй стали пряди волосъ. .
Все грезятся мнѣ наяву и во снѣ
Страданья твои въ чужедальней странѣ.

Все слышу бряцанье тяжелыхъ цѣпей,
Все вижу замки у дубовыхъ дверей;
За ними—знакомая поступь и рѣчь...
Нельзя мнѣ спокойно въ могилушку лечь!»
-- О, матушка милая! Радъ бы душой
Тебя я утѣшить, вернуться домой:
Хоть были бъ три жизни даны мнѣ въ удѣлъ,
Всѣ-бъ отдалъ я, всѣ.. и къ тебѣ бъ полетѣлъ.
Но душу живую я смѣю-ль продать?
Могла ли бъ меня ты за сына признать?
И слезы лились у родимой рѣкой,
И дряхлой качала она головой.

СЛУЖИТЕЛЬ БОГА.

Ты говоришь: „да я—служитель Бога!“
И продаешь себя на службу богачу
Ты освящаешь зданіе острога,
Благословеніе даруешь палачу!
Ты проповѣдуешь терзаемымъ терпѣнье,
Тирану-жъ рай сулишь за произволъ!
Ты казнь призналъ за Божье учрежденье
И въ палачи Христа возвелъ!
Святой водой, съ молитвою казенной,
Кропишь ты своры палачей
Несущихъ смерть толпѣ порабощенной,
За жажду свѣтлыхъ, вольныхъ дней!
Тамъ, впереди, и воля, и отрада,
Туда рабы стремятся всей душой...
Съ крестомъ въ рукѣ, грозя имъ мукой ада
Ты имъ кричишь со злобой: „стой!“
Когда-жъ, взамѣнъ подавленнаго стона,
Услышишь ты, подъ лязгъ разорванныхъ оковъ,
О мщеньи крикъ изъ устъ рабовъ,
Ты имъ гремишь анафему съ амвона.!

9-е ЯНВАРЯ 1905 Г.

Братья! въ комъ сердце застыть не успѣло,
Кто еще молодъ душой.
Къ намъ на защиту великаго дѣла
Шествуйте гордой стопой!
Въ битвѣ за благо родного народа
Смѣло прольемъ свою кровь,
Нашимъ девизомъ да будетъ Свобода,
Знаменемъ свѣтлымъ—Любовь!
Родина наша изныла отъ муки,

Скованъ неволей народъ,
Братья, сомкните въ объятія руки,
Двинемся дружно впередъ.
Если устанемъ мы въ битвѣ съ врагами,
Если нашъ духъ упадетъ,
Пѣсни погибшихъ поднимутся съ нами,
Мертвый живому оплотъ!
Врагъ не щадилъ безоружныхъ... и пали
Въ волны кровавой рѣки
Женщины, дѣти... ихъ пули пронзали,
Рвали на части штыки!
Гнѣвъ закаляетъ отвагу и силу,
Павшіе къ мести зовутъ.
Горе убійцамъ! Святыя могилы
Ихъ призываютъ на судъ!
Слава погибшимъ! Мы имъ какъ молитву,
Пѣсню свободы поемъ,
Съ пѣсней свободы въ кровавую битву
Мы безъ боязни пойдемъ.
Братья, повѣрьте побѣда за нами,
Правда, какъ солнце, сильна.
Въ тьмѣ, надъ кипящими злобой волнами,
Вѣстница утра видна!
Хищники ночи безсильны при свѣтѣ,
Если-жъ намъ смерть суждена,
Вспомнятъ добромъ насъ счастливыя дѣти,
Вспомнитъ родная страна!
Смѣло-же братья! Пусть врагъ на готовѣ,
Правый всегда побѣдитъ,
Капля невинно пролившейся крови
Гибельнѣй пули разитъ!

РЕВОЛЮЦІЯ 1905 ГОДА.

Возникла въ глухую январскую ночь
Въ сердцахъ, недождавшихся чуда;
Шепнула: „Отбросьте терпѣніе прочь—
Терпѣнье и вѣра не въ силахъ помочь,
Не ждите чудесъ ни откуда“.
Шепнула и смолкла. И скрылась, и вновь
Въ сердцахъ появилась видѣньемъ,
И въ нихъ разбудила горячую кровь,
И многіе поняли слово: „любовь“,
И тянутся руки къ каменьямъ.
Ей имени нѣтъ. Но повсюду куда
Заброшены бѣдные люди,
Гдѣ жизнь—только стонъ нищеты и труда,

Гдѣ высятся трубы, гдѣ есть города,
А въ нихъ истомленныя груди—
Повсюду она: то видѣньемъ встаетъ,
То канетъ въ толпу метеоромъ,
Возникнувъ на сѣверѣ, всюду зоветъ,
И строитъ рядами, и кличетъ впередъ,
И жжетъ загорѣвшимся взоромъ.
И кличъ этотъ громкій, какъ звучный упрекъ,
До чуткихъ сердецъ достигаетъ—
Смолкаютъ машины, смолкаетъ станокъ,
И сѣверъ, и западъ, и югъ, и востокъ
Могучими „здѣсь!" отвѣчаютъ.
То-громъ переклички гремитъ надъ страной
То-смотръ всенародной дружинѣ,
Все дальше, все шире катится волной
„Мы здѣсь!"—„Мы готовы!" и близится бой,
И стелется дымъ по равнинѣ.

НАРОДНЫЙ МАРШЪ.

По фабрикамъ душнымъ, по тюрьмамъ холоднымъ
Несется задушенный стонъ
По хатамъ убогимъ, полямъ неплодороднымъ.
Какъ эхо разносится онъ!
Но скоро поймутъ угнетенные братья,
Что сила--въ народныхъ рукахъ!
И, вмѣсто молитвъ, раздадутся проклятья,
И месть запылаетъ въ очахъ!..
Прочь непогода
Солнце встаетъ!
Все—для народа,
Все за народъ! (2 раза).
Пусть жизни хоронятъ во тьмѣ каземата.
Пусть стонетъ несчастный народъ—
Вѣдь каждое слово погибшаго брата
Намъ новыя силы даетъ!
И время наступитъ: исчезнетъ насилье
Какъ долгій томительный сонъ...
И въ битву мы вступимъ, расправивши крылья
Подъ сѣнью кровавыхъ знаменъ!
Прочь непогода... и т. д. (2 раза.)
И въ битву мы вступимъ, не зная пощады.
Свершимъ мы отмщенія пиръ,
И всюду построимъ тогда баррикады
И ими покроемъ весь міръ!
Срывайте-жъ, друзья, трудовыми руками
Позорныя путы оковъ!,

Идите скорѣе съ косой и серпами
Подъ знамя народныхъ борцовъ!
Прочь, непогода. и т. д. (2 раза)

КРЕСТЬЯНАМЪ.

Свѣтаетъ, товарищи! Твердой рукой
Держите вы знамя свободы,
Разстаньтесь съ проклятою злою тоской,
Насъ мучившей долгіе годы!
Настала пора и проснулся народъ,
Стоятъ другъ за друга всѣ дружно.
Кончается царство рабовъ и господъ,
Намъ барства, холопства не нужно!
Свободы мы долго найти не могли,
Найти не могли свою долю
Намъ волю всѣмъ дали—почти безъ земли..
Возьмемъ теперь землю и волю!
Намъ счастія дня не бывало въ году,
Мужицкія слезы, что море..
Мы жили въ какомъ то угарномъ чаду,
Работа, забота и горе...
Лежали отъ голода мы, отъ цынги,
Въ невѣжествѣ вѣчномъ коснѣли...
Не знали, кто наши друзья, кто враги,
Начальству перечить не смѣли...
И жизнь была наша ужаснѣйшій сонъ:
Отъ дикихъ разбойничьихъ шаекъ.
Надъ русской землею стоялъ долгій стонъ,
Мѣшаясь со свистомъ нагаекъ...
Идите на волю, рабы-мужики,
Избавьтесь отъ тяжкаго гнета!..
Исчезнутъ сосущіе кровь пауки,
Ихъ рвутся гнилыя тенета...
Назадъ нѣтъ возврата для насъ никуда,
Голодная смерть за спиною...
Такъ пусть же свободное знамя труда
Свободно пройдетъ надъ страною.
Кончается рабство... намъ выхода нѣтъ...
Найдемъ ли свободную долю,
Вдали показался желанный разсвѣтъ
Увидимъ мы землю и волю!

* * *

Не скорбнымъ, безсильнымъ, остывшимъ бойцамъ
Усталымъ отъ долгихъ потерь,

Хочу я отважнымъ и юнымъ сердцамъ
Пропѣть свою пѣсню теперь!
Пусть мертвые мертвымъ приносятъ любовь
И плачутъ у старыхъ могилъ!
Мы живы: кипятъ наша алая кровь
Огнемъ неистраченныхъ силъ.
Священную память погибшихъ въ бою
Безъ слезъ мы сумѣемъ хранить!
Мы жаждемъ всю силу, всю душу свою
На тотъ же алтарь возложить!
Чьи смутные взоры поникли къ землѣ?
Пытливо глядимъ мы впередъ,
Упрямо стремимся увидѣть во мглѣ
Зари отдаленной восходъ.
Несись моя пѣсня, какъ радости кликъ,
На дальній безвѣстный предѣлъ!
Да здравствуетъ юность, кипучій родникъ
Великихъ стремленій и дѣлъ!
Несись, моя пѣсня! Взлети до небесъ,
Какъ соколъ, свободный отъ путъ!
Да здравствуетъ геній всемірныхъ чудесъ,
Могучій и творческій трудъ!
Несись, моя пѣсня, опять и опять!
Греми надъ землей, какъ труба!
Да здравствуетъ жизни всесильная мать,
Владычица міра, борьба!
Отъ края до края родимой страны
Другъ другу несемъ мы привѣтъ...
Мы ласточки свѣжей, зеленой весны
Идущей за нами во слѣдъ.
Пусть скована стужей нѣмая земля
И каждый шумливый потокъ,
И умерли листья, и снѣгъ на поля
Серебрянымъ саваномъ легъ.
Уже прокатился громовый ударъ
Съ невѣдомыхъ горнихъ высотъ,
И дрогнула сила безжизненныхъ чаръ,
Тяжелый колеблется гнетъ.
И вѣтеръ предъ утромъ повѣялъ теплѣй,
Во мракѣ, на каждомъ шагу,
Незримыя струйки отживших ключей
Ужъ роются тайно въ снѣгу.
Да скроется сумракъ, да здравствуетъ свѣтъ!
Мы вѣстники новыхъ временъ!
Весна молодая идетъ намъ во слѣдъ
Подъ сѣнью несчетныхъ знаменъ!

---

* * *

Свободное слово, безсмертное слово
Ты пламенный свѣточъ во мракѣ былого
Ты въ рабствѣ томилось въ теченье вѣковъ,
На пыткѣ, въ темницѣ, подъ гнетомъ оковъ.
Судили тебя, обрекали изгнанью,
Топтали ногами предавъ поруганью,
Тебя сожигали рукой палача,
Но ты не смолкало, побѣдно звуча.
Свободное слово, великое слово,
Въ плѣну у насилья, у коршуна злого,
Къ скалѣ пригвожденный титанъ—Прометей,
Ты рвешься на волю изъ цѣпкихъ когтей.
Но цѣпь распадется—ты смѣло воспрянешь
И—сильное правдой, любовью, добромъ—
Съ зарею надъ міромъ побѣдно ты грянешь,
Какъ Божій ликующій громъ!

БУРЯ.

Кончается братство постылой зимы
Запахло зеленой весной.
Заря загорѣлась подъ пологомъ тьмы
Надъ русской великой страной.
Она расцвѣтаетъ багровымъ лучомъ
Вздымаетъ огнистый вѣнецъ
То ангелъ свободы кровавымъ мечомъ
Намъ бурю сулитъ, наконецъ.
Привѣтъ тебѣ, буря! Скорѣе лети,
Покрѣпче тряхни головой,
Высокія башни разрушь на пути
И лѣсъ размечи вѣковой.
Безбрежное море до дна всколыхни,
До самаго сердца взволнуй,
И факеломъ нашимъ живые огни
Огромнымъ пожаромъ раздуй!
Тебѣ мы готовимъ достойный привѣтъ
Ударь пролетая въ набатъ...
Мы пѣсню свободы затянемъ въ отвѣтъ
И грома заглушимъ раскатъ.
Развѣй свои кудри какъ вѣющій стягъ
Мы выйдемъ навстрѣчу тебѣ
И яркое пламя поднимемъ, какъ знакъ,
Къ великой стихійной борьбѣ.
На немъ мы напишемъ: Долой произволъ,
Не нужно позорныхъ оковъ!

Нашъ кликъ поколеблетъ порока престолъ
Въ оградѣ желѣзныхъ штыковъ.
На къ выростетъ помощь на каждомъ шагу.
Разроемъ дорожный гранитъ,
И каменнымъ градомъ отвѣтимъ врагу
И крѣпость воздвигнемъ изъ плитъ.
Напрасно грозитъ намъ враждебный тиранъ
Дождемъ рокового свинца!
Идемъ мы почетныхъ отыскивать ранъ,
На битву идемъ до конца!

БОЕВАЯ ПѢСНЯ.

Пурпурное знамя зардѣло
Въ лазури дневной высоты.
На бой! За свободу! И смѣло
Сожжемъ за собою мосты!
Клянемся! Какъ бурная лава,
Мы хлынемъ на темную рать.
Отважнымъ—безсмертная слава,
Отставшимъ презрѣнья печать!
За нами руины и тлѣнье,
Предъ нами—ликующій свѣтъ.
О, будемъ хоть часъ, хоть мгновенье,
Героями звонкихъ побѣдъ!
Насъ родина встрѣтитъ цвѣтами,
Любовь увѣнчаетъ нашъ прахъ,
Вернемся назадъ со щитами,
Иль всѣ на щитахъ!

КУЗНЕЦЫ.

У насъ въ груди проснулась сила,
Насталъ работы дружный часъ!
Стоимъ мы въ кузницѣ сейчасъ;
Изъ раскаленнаго горнила
Свѣтъ красный падаетъ на насъ...
Союзъ нашъ крѣпокъ, друженъ, молодъ,
Стальные мускулы въ рукахъ,
Огонь блеститъ у насъ въ глазахъ,
Легко взлетаетъ мощный молотъ,
Неудержимъ его размахъ!
Несутся къ каменному своду
Удары молота... Мы бьемъ
По наковальнѣ... Шумъ кругомъ!

Свободу, свѣтлую свободу
Мы бѣдной родинѣ куемъ!
Мы раздуваемъ въ горнѣ пламя,
Дождь искръ летитъ во всѣ концы...
Пусть въ рабствѣ прожили отцы,
Мы дѣти ихъ, поднимемъ знамя,
Мы—новой жизни кузнецы!
Мы подымаемъ смѣло молотъ,
Труду и силѣ гимнъ поемъ,
Къ великой цѣли мы идемъ,
Союзъ нашъ святъ, союзъ нашъ молодъ,
Мы счастье родинѣ скуемъ!

ДЕРЗОСТИ СЛАВА.

Жить въ потемкахъ мы устали,
Мы проснулись, мы возстали,
Слишкомъ долго боя ждали,—
Жаждемъ жизни молодой!
Прочь, безпомощные страхи,
Глубже взгляды, шире взмахи,
Больше дерзости святой!
Много надо рукъ упорныхъ,
Чтобъ изъ глыбъ слѣпыхъ и черныхъ
Въ нашихъ домнахъ, въ нашихъ горнахъ,
Полосой сверкнулъ металлъ.
Больше страсти, больше жару,
Подставляйте грудь пожару,
Чтобъ металлу дать закалъ!
Выше факелъ поднимайте,
Ошибайтесь, но дерзайте:
Пролетитъ вѣковъ гряда—
Только то, что силой взято,
Будетъ живо, будетъ свято,
Будетъ свято навсегда!

ГИМНЪ СВОБОДѢ.

Мы въ одну дерзновенную думу сольемъ
Затаенныя думы свои,
И свободѣ великой мы пѣснью споемъ,
Вдохновенную пѣсню любви...
И вольна, и звучна,
Разольется она
Надъ просторомъ полей и лѣсовъ,
И могучъ и широкъ,

Какъ весенній потокъ,
Будетъ хоръ молодыхъ голосовъ...
Мы у вѣтра подслушали этотъ напѣвъ,
У свободнаго вѣтра степей,
И звучатъ въ ней отвага и пламенный гнѣвъ,
И удары разбитыхъ цѣпей...
И несется призывъ,
Словно вѣтра порывъ,
Подымая упавшихъ борцовъ,
И отвагой бойца
Зажигая сердца
У нѣмыхъ и покорныхъ рабовъ...

* * *

О, какъ жадно прильнемъ мы къ горячимъ устамъ
Долгожданной свободы своей!
И прорваться дадимъ накипѣвшимъ слезамъ,
Позабывъ наши муки по ней!...
И свободно дыша,
Встрепенется душа,
Обагренная въ свѣжей крови,
И безумно-великъ
Будетъ радостный крикъ
Нашей первой побѣдной любви.

* * *

О, лишь только-бъ окрѣпнуть свободной груди,
Лишь-бы вольною грудью вздохнуть!
Мы расправимъ орлинныя крылья свои,
Чтобъ послѣднія цѣпи стряхнуть...
И на кличъ боевой
Въ этотъ день роковой
Мы пойдемъ, какъ на праздничный пиръ,
И оковы труда
Разобьемъ навсегда
И въ тотъ день завоюемъ весь міръ!

ПРОЧЬ СЪ ДОРОГИ.

Прочь съ дороги, міръ отжившій,
Сверху до низу прогнившій!
Молодая Русь идетъ,
И, сплоченными рядами
Выступая въ бой съ врагами,
Пѣсни новыя поетъ!
Прочь съ дороги все, что давитъ,
Что свободѣ сѣти ставитъ!
Зла, насилія жрецы,
Вамъ пора сойти со сцены,
Выступаемъ вамъ на смѣну

Мы, народные борцы.
Мы, рожденные рабами,
Мы вспоенные слезами,
Мы, вскормленные нуждой,
Изъ тюрьмы, изъ злой неволи
Рвемся всѣ мы къ лучшей долѣ,
Рвемся мы съ неправдой въ бой.
Дѣти родины опальной,
Шьемъ мы саванъ погребальный
Палачамъ родной страны,
Въ тюрьмахъ, въ ссылкѣ отдаленной
Гимнъ слагаемъ похоронный
Царству зла, насилья, тьмы.
Крѣпче стали наши руки,
Не страшны намъ смерть и муки,
Не боимся мы цѣпей.
Мы не дрогнемъ, не отступимъ,
Мы цѣной кровавой купимъ
Счастье родины своей.
Къ намъ, подъ знамя боевое,
Къ намъ все честное, живое,
Къ намъ, бойцовъ отважныхъ рать!
Грянемъ бурей - ураганомъ,
Будемъ мы на страхъ тиранамъ
За свободу воевать!
Прочь съ дороги, злыя силы,
Васъ давно ужь ждутъ могилы!
Молодая Русь идетъ,
И могучими рядами
Выступая въ бой съ врагами,
Пѣсни новыя поетъ!

НА БАРРИКАДАХЪ.

Впередъ, товарищи, впередъ,
Впередъ, дружина боевая!
Свободы солнце ужъ встаетъ,
На подвигъ смѣлый призывая...
Да сгинутъ духи зла и тьмы,
Врагамъ отчизны нѣтъ пощады!..
Навстрѣчу смерти встанемъ мы—
На баррикады!..
Кровь наша ярко-горяча,
Смерть раскрываетъ намъ объятья,
Братъ превратился въ палача:
Огонь въ насъ мечутъ наши братья!..
Но смѣло мы впередъ пойдемъ,
Не сломятъ духа въ насъ снаряды,

Мы побѣдимъ, или умремъ..
    На баррикады!.
На наше мѣсто встанутъ вновь
Борцы другiе за свободу,
И отомстится наша кровь,—
Дань угнетенному народу.
Пусть чуя гибель, въ насъ палятъ
Убiйцъ чугунныя громады,—
Дружинникъ—истинный солдатъ:
    На баррикады!..
Свобода пышно расцвѣтетъ
На мѣстѣ страшнаго пожара,
И наша кровь возопiетъ,
Убiйцъ постигнетъ Божья кара...
Себѣ не ждите вы тогда
Убiйцы гнусные, пощады...
Впередъ, товарищи, туда—
    На баррикады!!!

МАТЬ И СЫНЪ.

„Прощай, родная. Не тоскуй...
Не плачь... не плачь.. Не надо...
Перекрести и поцѣлуй —
Иду на баррикады.
    Я не могу остаться... нѣтъ!..
    Тамъ братья умираютъ...
    Пусти меня, уже разсвѣтъ.
    Ты слышишь—тамъ стрѣляютъ.
Куда-жъ, родная, ты?.. Постой...
Простимся у ограды.
Мать, ты со мной!.? И ты со мной
На смерть, на баррикады!..“
    И ночь прошла... Раздался громъ
    Послѣдней канонады.
    И положили ихъ вдвоемъ
    Вдвоемъ у баррикады!..

КАКЪ ЛЬВЫ, ДРАЛИСЬ ОНИ.

Какъ львы, дрались они... Подъ грохотъ канонады,
Подъ шумъ и трескъ пальбы жестокой и слѣпой,
Какъ въ сказочной борьбѣ, воздвигли баррикады
И ринулись на бой...

Какъ львы, дрались они... Сквозь мглу и дымъ
и пламя,
Сверкая и маня, колеблясь и дрожа,
Вставало вновь и вновь воинственное знамя
Борьбы и мятежа...
Окроплено слезой, окрашенное кровью
Героевъ и борцевъ, оно звало впередъ.
И шелъ, все шелъ за нимъ, горя къ нему
любовью,
Поднявшійся народъ...
И шелъ, все шелъ за нимъ... И крѣпли
баррикады,
И росъ мятежный кличъ, и расцвѣтала месть.
И гордый гимнъ борьбѣ звучалъ, какъ вѣсть
отрады,
Побѣды свѣтлой вѣсть.
И падали одни—вставали вслѣдъ другіе;
Какъ въ сказочномъ бою борцы росли, росли...
И въ жертву родинѣ несли мечты святыя
И жизнь свою несли!
О, пусть на время смолкъ и шумъ борьбы и
крики,
И гордый, смѣлый кличъ возставшаго раба...
Да здравствуетъ народъ и гнѣвъ его великій!
Да здравствуетъ борьба!

ЕРЕМѢЕВА ДУМКА.

Печальныя вѣсти пришли изъ столицы:
Тамъ свистъ раздается казачьихъ плетей...
„А мнѣ-бы прирѣзать маленько землицы"...
Печально сказалъ Еремѣй.
И новыя пѣсни, и новыя птицы
Поютъ о свободѣ и счастьѣ людей...
„А мнѣ-бы промыслить немного землицы"...
Со вздохомъ сказалъ Еремѣй.
Мигаютъ и гаснутъ далеко зарницы:
То пламя пожаровъ надъ родиной всей...
„А ну-ка! Добудемъ маленько землицы!"
Сосѣдямъ сказалъ Еремѣй.

РАЗСТРѢЛЪ.*)

(Изъ исторіи маленькаго гарнизона).

Солдаты выстроились въ рядъ,
И капитанъ суровый взглядъ

*) Посвящается памяти машиниста Ухтомскаго, вывезш
1905 г. изъ Москвы поѣздъ съ дружинниками—революціонерал

Навелъ на старика.
Вездѣ замерзшій снѣгъ лежалъ;
По рельсамъ черный путь бѣжалъ,
Во льду спала рѣка.
Казалось, отражался страхъ
На оловянныхъ облакахъ
Вдали синѣлъ туманъ.
Молчалъ, не двигался старикъ
И былъ въ спокойствіи великъ...
Молчалъ и капитанъ...
И плѣнникъ вдругъ заговорилъ:
„Я много видѣлъ, много силъ
Потратилъ я въ борьбѣ,
И вамъ меня не испугать!..
Пускай земля, родная мать,
Беретъ меня къ себѣ!
Навѣрно, жребій мой таковъ
Я ко всему теперь готовъ.
Тяжелая пора!
Я передъ истиною чистъ
Я - тотъ... тотъ самый машинистъ,
Что поѣздъ велъ вчера!
На немъ все ѣхали борцы,
Сыны народа, не льстецы..
Погналъ я паровозъ.
То не ѣзда была—полетъ.
Стрѣлялъ въ догонку пулеметъ,—
Знать, не жалѣлъ угрозъ...
Я разводилъ сильнѣе паръ.
Пылалъ въ душѣ моей пожаръ,—
Вѣдь, я спасалъ людей!
Мы всѣ легли бы грудой тѣлъ...
Скорѣй на воздухъ—бы взлетѣлъ,
Но не сдался—бъ, ей—ей!
И всѣхъ я спасъ - судилъ такъ Богъ,
Лишь самъ себя сберечь не могъ..
Ну, что—жъ—не суждено!
Я жду. Пусть бьетъ мой смертный часъ!
Просить мнѣ нечего у васъ...
Я съ правдой за одно..
И по лицу скользнулъ туманъ
Далъ знакъ холодный капитанъ,
И заигралъ рожокъ...
Какъ будто вражесскій...
И обагрился чистый снѣгъ,
Какъ предназначилъ рокъ.
Скрывая побледнѣвшій ликъ,
Еще дышалъ въ снѣгу старикъ—

Измученный боецъ.
И было тихо все кругомъ...
И что—то плакало тайкомъ
На днѣ людскихъ сердецъ.

МЫ САМИ КОПАЛИ МОГИЛУ СВОЮ.

(Памяти растрѣляныхъ Романовыми въ 1906 г. кронштадскихъ матросовъ).

На мотивъ: „На верхъ, о товарищи, всѣ по мѣстамъ“...

„Мы сами копали могилу свою,
Готова глубокая яма;
Предъ нею мы стали на самомъ краю,
Стрѣляйте-же вѣрно и прямо!
Пусть въ сердце вонзится жестокій свинецъ,
Горячею кровью напьется,
А сердце не дрогнетъ и приметъ конецъ
Оно, вѣдь, за родину бьется!“
Въ отвѣтъ усмѣхнулся старикъ—генералъ:
„Спасибо на вашей работѣ!
Земли вы хотѣли—я землю вамъ далъ,
А волю на небѣ найдете.!“
Не смѣйся, жестокій, коварный старикъ,
Намъ выпала страшная доля;
На выстрѣлы ваши отвѣтитъ нашъ крикъ:
Земля и Народная Воля!
Мы начали рано, мы шли умирать,
Но скоро по нашему слѣду
Проложитъ дорогу товарищей рать—
Они у васъ вырвутъ побѣду!
Они, какъ и мы, всѣ въ мундирахъ рабовъ,
Но сердцем возлюбятъ свободу,
И мы имъ закажемъ изъ нашихъ гробовъ:
Служите родному народу!
А вы, что предъ нами сомкнули штыки,
Къ убійству готовые братья,
Пускай мы погибнемъ отъ вашей руки,
Но вамъ мы не бросимъ проклятья.
Стрѣляйте-жъ вѣрнѣе, готовься, не трусь!
Кончается наша неволя!
Прощайте-же братья! Да здравствуетъ Русь,
Земля и Народная Воля!

ДВА ЗАРОКА.

Говорила, плача, матушка родная,
На цареву службу сына обряжая:

„Богъ съ тобой, родимый, Богъ съ тобой сынокъ.
Богъ-сть дастъ, отслужишь, къ намъ вернешься въ срокъ.
Не тоскуй, соколикъ, на лихой чужбинѣ;
Помни: мать всечасно молится о сынѣ...
Вотъ зарокъ мой первый: ты въ чужомъ краю
Помни, ненаглядный, помни мать свою.
На душу покровомъ память эта ляжетъ,
Отъ грѣха заступитъ, правый путь укажетъ;
Кто, сынокъ, ту память сохранить сумѣлъ,
Всюду, милый, выйдетъ сердцемъ чистъ и бѣлъ.
А другой зарокъ мой: не гордись душою,
Покорись начальству, будь ему слугою,
Все исправно дѣлай, слушайся во всемъ,
Вотъ пройдетъ и служба такъ-то, день за днемъ“...

***

Глухо воетъ вѣтеръ словно звѣрь голодный
Стонетъ надъ казармой темной и холодной;
Ночь глядитъ въ окошки: всѣ-ль солдаты спятъ?
Всѣ,—не спитъ одинъ лишь молодой солдатъ.
Не приходитъ дрема... Сердцу нѣту мочи...
Ой, легла на душу тьма чернѣе ночи;
Ночь темна—да ночи день идетъ во слѣдъ,
Только къ сердцу болѣ дню дороги нѣтъ.
Не остынетъ мука... Господи Всесильный!
Смерть кружитъ надъ сердцемъ птицею могильной,
Въ головѣ мутится, грудь горитъ въ тоскѣ...
Сонъ-ли то, иль мать то плачетъ вдалекѣ?
Ой, не плачь, голубка, не рыдай, родная!..
Всѣ твои зароки, всѣ соблюлъ сполна я,—
Два зарока было... Вотъ ступай, взгляни,
Да скажи: другъ съ дружкой сходны-ли они?
Послужилъ начальству я сегодня славно,
Всѣ его приказы выполнилъ исправно,
Прямо въ сердце мѣтилъ, не ступилъ назадъ,—
Вонъ въ крови застывшей мертвые лежатъ!
Вонъ лежитъ рабочій, съ нимъ старуха рядомъ,
Вся у ней разбита голова прикладомъ...
Кровь то, кровь краснѣетъ какъ на сѣдинѣ!..
Мать моя! не впору вспомнилась ты мнѣ!..
Мать! мнѣ горло давитъ смертная кручина,
Вотъ приди родная, погляди на сына,
На покорство сына вновь благослови,
Лишь рукой не трогай: вишь—я весь въ крови!

«ПАМЯТКА СОЛДАТА».

(Пѣсня 1906 г. На мотивъ: „Ревѣла буря, дождь шумѣлъ“)

Стрѣляй, солдатъ, въ кого велятъ,
Забудь отца, родного брата!

Забудь жену, дѣтей и мать—
Лишь вспомни „Памятку солдата“!
Попы тебя благословятъ,
Убьешь отца-грѣха не будетъ;
Они не врутъ, коль говорятъ:
Богъ вашей службы не забудетъ.
Въ далекій край служить пошлютъ,
На родинѣ васъ не оставятъ,
Шинель, мундиръ вамъ тамъ дадутъ
И быть машиною заставятъ.
Рабочихъ бить васъ поведутъ,
Голодныхъ убивать принудятъ,
По чаркѣ водки вамъ дадутъ
И ею совѣсть вашу сгубятъ.
Стрѣляй, солдатъ, коли штыкомъ,
Безъ сожалѣнья бей прикладомъ,
Но въ мигъ тотъ вспомни лишь о томъ,
Что бьешься ты съ голоднымъ братомъ.
Стрѣляй, солдатъ, въ кого велятъ,
Стрѣляй, покуда ты въ мундирѣ,
Но, убивая не забудь:
Въ рабочей завтра будешь шкурѣ!

КЪ СОЛДАТАМЪ.

Постой-ка, товарищъ! Опомнися, братъ!
Скорѣй брось винтовку на землю
И гласу рабочаго внемли,
Народному гласу внемли!
Зачѣмъ ты винтовку свою зарядилъ?
Въ какого врага ты стрѣляешь?
Безъ жалости брата родного убилъ,
Дѣтишекъ его избиваешь. .
Ты здѣсь убиваешь чужихъ. У тебя
Въ деревнѣ семью убиваютъ...
И издали грозно твоя—же семья
Тебя-же, солдатъ, проклинаетъ.
Постой-же, товарищъ! Опомнися братъ!
Ты кровью облитъ человѣка!..
Не смоешь ее ужъ ничѣмъ ты, солдатъ,
Не смоешь ту кровь ужь во вѣки...
Всѣ улицы русскихъ большихъ городовъ
Залиты народною кровью...
Тамъ дѣти рыдаютъ... И тысячи вдовъ
Клянутъ свою долюшку вдовью.
Несчастная мать, потерявши дѣтей,
Надъ трупами громко рыдаетъ

И грозно, солдатъ, проклинаетъ тебя,
Ты слышишь?—тебя проклинаетъ.
Ты мать и отца у ребенка отнялъ
И кто ихъ убійца—онъ знаетъ
И вотъ съ легіономъ рабочихъ дѣтей
Малютка тебя проклинаетъ...
Постой-же, товарищъ! Опомнися, братъ!
Скорѣй брось винтовку и съ нами
Возстань за свободу и вмѣстѣ пойдемъ
На бой на кровавый съ врагами.
Такъ брось-же винтовку и громко кричи:
„Нѣтъ, братья! Солдатъ не убійца!
Солдатъ ужъ проснулся и дастъ вамъ ключи
Къ покоямъ царя -кровопійцы!"
Проснулась пѣхота, проснулся матросъ,
Проснулась казацкая сила,
И грозный, отжившій военный колоссъ
Ужъ жажда свободы сломила.
Постой-же, товарищъ! Опомнися, братъ!
Скорѣй брось винтовку на землю,
И гласу рабочаго внемли, солдатъ,
Народному гласу ты внемли!
Честнѣе на улицахъ въ праномъ бою
Погибнуть за лучшую долю,
Чѣмъ тамъ—на войнѣ—въ чужеземномъ краю
Намъ пасть, защищая неволю!

ГИМНЪ ВОЛЬНОСТИ.

(На мотивъ «Гей, ну-те, хлопцы").

Здравствуй, Свободы вольное слово,
Сердца могучее пламя!
Шествуй отчизна, сбросивъ оковы
Смѣло подъ новое знамя!
Къ вѣчному дружной, вѣрной семьею
Кличетъ свободное слово.
Къ дѣлу скорѣе! Новой зарею
Небо насъ встрѣтить готово.
Русь, подымайся! Новою брагой
Пѣнится новая чаша.
Пей же, отчизна, смѣло, съ отвагой!
Здравствуй-же, родина наша!
Рушьтесь, темницы! Рушьтесь, затворы!
Здравствуйте, вольности братья!
Къ свѣту отрады—смѣлые взоры!
Къ солнцу свободы—въ объятья!

ГОЛОСЪ СОЛДАТА.

Сброшены тяжкаго рабства невзгоды,
Рушилась въ прахъ вѣковая тюрьма,
Всходитъ прекрасное солнце Свободы,
Прочь убѣгаетъ позорная тьма....
Слышите-ль, граждане, голосъ солдата:
—„Къ вѣчному свѣту стремимся и мы,
Старая власть заковала когда-то
Въ цѣпи невѣжества наши умы...
Чтобы убить въ насъ природную честность,
Чтобы проснуться въ насъ мысль не могла,
Въ головы наши вбивали „словесность“
Вѣрные слуги царившаго зла...
Что-же могли отъ гасителей свѣта
Мы на запросы души ожидать,
Кромѣ обычнаго, вмѣсто отвѣта,
Властнаго крика: „Не разсуждать!“
Предъ гражданиномъ-отнынѣ свободнымъ
Къ правдѣ и знанью открыты пути:
Дайте-жъ расправиться крыльямъ народнымъ
Дайте народной душѣ расцвѣсти!

МАЙСКАЯ ПѢСНЬ.

Первое мая—праздникъ весны,
Мощный прибой пролетарской волны...
Празднуйте первое мая!
Гимнъ вдохновенный мугучимъ борцамъ,
Кличъ дерзновенный усталымъ сердцамъ
Празднуйте первое мая!
Всѣ, кто готовъ въ безпощадномъ бою
Грудью стоять за свободу свою,
Празднуйте первое мая!
Словно по взмаху рабочей руки,
Смолкнутъ машины, котлы и станки...
Празднуйте первое мая!
Дрогнутъ всѣ темныя силы кругомъ
Передъ своимъ ненавистнымъ врагомъ...
Празднуйте первое мая!
Первое мая—праздникъ весны,
Мощный прибой пролетарской волны...
Празднуйте первое мая!
Дерзостный вызовъ рабочихъ полковъ
Міру насилья, цѣпей и штыковъ
Празднуйте первое мая!

ПОЭТЪ

Я—поэтъ бѣдноты, угнетенныхъ пѣвецъ,
Я—поэтъ рсковоіо прибоя..
Острый мечъ для холодныхъ и черствыхъ сердецъ,
Рядовой пролетарскаго строя...
Нищетою рожденный, страданія сынъ,
Я воспитанъ на шумномъ заводѣ
И подъ скрежетъ и лязги чудовищъ—машинъ
Научился мечтать о свободѣ.
И хочу я зажечь этой свѣтлой мечтой
Всѣхъ томящихся въ рабствѣ собратій,
Всѣхъ уныло бредущихъ тернистой тропой
Въ мірѣ слезъ, униженій, проклятій.
Закаленный суровымъ трудомъ съ юныхъ лѣтъ
И борьбой съ непрестанной нуждою,
Я съ великою вѣрой въ грядущій разсвѣтъ
Призываю къ упорному бою...
Пылъ и вѣру души молодой передать
Всѣмъ стремясь, я твержу, полный муки.
„Намъ, вѣдь, нечего въ жизни постылой терять,
Все богатство—рабочія руки...
Пусть враги насъ жестоко и злобно гнетутъ,
Пусть мы знаемъ лишь грязь и ненастье,
Но увидимъ мы вольный и радостный трудъ,
Иль умремъ за свободу и счастье!"
Я—поэтъ пламенѣющихъ гнѣвомъ очей,
Я—поэтъ рокового прибоя,
Я—поэтъ возстающихъ подъ звоны цѣпей.
Рядовой пролетарскаго строя...

ПѢСНЯ О КРАСНОМЪ ЗНАМЕНИ.

Матери и жены,—дѣвушки работницы,
Юныя, прекрасныя,
Изъ шелковъ багряныхъ,
Изъ полотенъ рдяныхъ
Сшейте знамя тонкое, сшейте знамя красное!
Не слезой бездольною, не рабы безгласные,—
—Смѣлые и вольные —
Свѣтлымъ чистымъ бисеромъ
Уберемъ то знамя, знамя правды красное!
Сильными руками
Поднимайте знамя,
Знамя правды красное!
Пойте славу знамени! Выше взвейся, красное!
Пусть тебя освѣтитъ солнце утра ясное,

Вѣтеръ заколышетъ,
Розами запышетъ...
Здравствуй, утро ясное!... Здравствуй, знамя красное!..

КАПИТАЛЪ.

На пышномъ, отлитомъ изъ золота, тронѣ
Сидитъ онъ, могучій владыка всѣхъ странъ,
Въ роскошныхъ одеждахъ, въ алмазной коронѣ,
Жестокимъ могуществомъ пьянъ.
Трясутся отвислыя щеки отъ жиру,
Глаза ненасытною жаждой горятъ,
И губы кровавую алчность вампира
И хищность шакала таятъ.
Предъ трономъ владыки владыкъ пресмыкаясь,
Какъ шутъ въ погремушкахъ танцуетъ Законъ;
Продажное Слово, ужомъ извиваясь,
Поетъ его силу и тронъ
Разставила Собственность стражу повсюду
Чтобъ шумъ не тревожилъ покоя дворца;
И смотрятъ, грозя недовольному люду,
Орудья на площадь съ крыльца...
И гибнутъ подъ гнетомъ труда милліоны
Изглоданныхъ черной нуждою людей,
И въ сумракѣ горя рыданья и стоны
Звучатъ все сильнѣй и сильнѣй.
Растутъ, накипаютъ обиды, какъ пѣна,
Когда подъ волнами реветъ ураганъ;
Мечта о свободѣ отъ рабскаго плѣна
Спаяетъ рабочихъ всѣхъ странъ.
И время настанетъ—отъ края до края
Призывъ прозвучитъ, возвѣщая конецъ
Отжившему міру, и злобой сверкая,
Проклятья ударят въ дворецъ;
И ненависть вихремъ ворвется въ палаты
И въ гнѣвѣ съ владыки корону сорветъ:
И грозное пламя священной расплаты
Карнизы дворца обовьетъ!..

СМЕРТЬ СТАХА.

Какъ король шелъ на войну
Въ чужедальнюю страну,
Загремѣли трубы мѣдныя
На потѣхи на побѣдныя.
А какъ Стахъ шелъ на войну
Въ чужедальнюю страну,

Зашумѣла рожь по полюшку
На кручину—на недолюшку.
Свищутъ пули на войнѣ
Бродитъ смерть въ дыму, въ огнѣ,
Тѣшагъ взоръ вожди отважные,
Стонутъ ратники сермяжные.
Конченъ бой. Труба гремитъ
Съ тяжкой раной Стахъ лежитъ,
А король стезей кровавою
Возращается со славою.
А на встрѣчу изъ воротъ
Шумно высыпалъ народъ—
Дрогнулъ замокъ града стольнаго
Отъ трезвона колокольнаго
А какъ легъ въ могилу Стахъ,
Вѣтеръ пѣсню спѣлъ въ кустахъ,
И звонилъ, летя дубровами,
Колокольцами лиловыми...

ЖЕРТВЫ ВОЙНЫ.

Съ восхода въ хвостѣ простояла,—
За хлѣбомъ дѣтишкамъ пошла,
До ночи томилась—стояла
И хлѣба достать не могла
Дѣтишекъ осталося трое.
А мужа война увела..
Два дня просидѣли безъ хлѣба
И въ третій бѣдняжка, слегла.
Въ постели лежитъ ужъ больная,
Въ жару - головы не поднять,
А съ плачемъ дѣтишки кружатся -
Имъ хочется ѣсть—не унять.
Ей сердце тоска ущемила...
Съ постели больная встаетъ,
Дрожащей рукой торопливо
Топоръ у кровати беретъ.
И тихо подходитъ къ дѣтишкамъ
И хочетъ какъ будто унять...
Вдругъ дѣтокъ смертельнымъ ударомъ
Сразила голодная мать.
Сосѣди! Ее не судите!
Иначе она не могла,
Не надо ей больше ужъ хлѣба:
На вѣкъ ужъ всего запасла!

Рядовой 6 й р. 87-го зап полка Ив. Матвѣевъ.

Стихотвореніе, мною составленное, есть не вымыселъ, а дѣйствительность московской голодовки 1917 г.

Ив. Матвѣевъ.

***

Други, не слушайте словъ призывающихъ
Нашей отчизны довольныхъ сыновъ,
Рѣчью запутанной зло прикрывающихъ,
Горя не знавшихъ и гнета оковъ!
Имъ незнакома нужда безотвѣтная
Нашей забытой деревни родной
Жизнь безъ надежды и тьма безпросвѣтная
Душу гнетущая жадной тоской...
Мы проложили дорогу свободную
Къ братству и счастью и царству труда,
Насъ же ведутъ на поляну безплодную,
Въ царство убійства, гдѣ правитъ война!
Много-ль вернется и съ тѣми ли силами?
Что они встрѣтятъ въ селеньи родномъ?
Голодъ, нужду, да кресты надъ могилами?
Други, боритесь, боритесь со зломъ!
Братья! Не въ этихъ убійствахъ спасеніе,
Мира не купимъ мы кровью своей!
Губитъ насъ наше нѣмое терпѣніе
Къ горсти довольныхъ и сытыхъ людей.
Сбросьте ихъ иго и руку свободную
Смѣло недавнимъ врагамъ подадимъ!
Этимъ мы купимъ и долю народную,
Этимъ безъ крови весь міръ побѣдимъ!..

ДОВОЛЬНО.

Довольно, сытые! Сдержите кличъ злорадный.
Молчите, дикіе! Весь міръ въ огнѣ, въ крови...
И въ этой красной пляскѣ смерти кровожадной
Бросаю вызовъ вамъ: бросаю пѣснь любви!
На пепелищахъ черныхъ строите чертоги,
Во имя равенства вы сѣете кошмаръ!
Побѣды жаждете: я брошу вамъ безногихъ,
Ползущихъ клянчить къ намъ, на міровой базаръ
„Эй костыли, сберитесь стройно на кладбища
И откопайте тамъ обломки ногъ и рукъ!
И бросьте имъ въ лицо оторванныя мышцы
И брызните въ лицо имъ кровью вашихъ мукъ!“
Съ дороги прочь! Идетъ торжественно Побѣда:
Голодное дитя съ рабочимъ костылемъ
„Кусочекъ хлѣба, Бога ради, для обѣда“!
„Я изувѣченъ весь! Отецъ сраженъ врагомъ“
Вотъ вамъ плоды побѣды и войны счастливой,
Кровавые плоды безумныхъ черныхъ силъ!
Нужны проливы вамъ, кровавые проливы

И длинный—длинный рядъ безвременныхъ могилъ!
Довольно дикіе! Безумія довольно!
Довольно закланныхъ ягнятъ! Жалѣйте кровь!..
Скорѣй звонарь! скорѣй спѣши на колокольню
И брось свой вызовъ имъ: Да здравствуетъ любовь!

СОЛДАТСКАЯ МАРСЕЛЬЕЗА.

(Посвящается русской революціи 1917 г.)

Отречемся отъ гнуснаго рабства,
Отъ преступной присяги своей,
Вспомнимъ, братья, мы заповѣдь братства.
„Не клянися главою своей“.
Мы пойдемъ по домамъ къ нашимъ селамъ,
Мы на помощь рабочимъ пойдемъ
И на встрѣчу зарѣ возрожденья
Пробужденныя силы снесемъ.

Вставай, подымайся, солдатъ гражданинъ,
Вставай на борьбу за свободу,
Иди ты на помощь народу,
Впередъ, впередъ, свободный народъ!

Богачи и попы намъ внушали
Проливать лишь народную кровь;
Командиры насъ били, терзали,
Если въ сердцѣ рождалась любовь.
Не хотимъ мы служить бюрократу,
Прочь покорность ему, подлецу,
Прочь покорность злодѣямъ проклятымъ
И царю, подставному лицу.

(Припѣвъ).

Насъ морозили въ холодъ жестокій,
Насъ томили, подъ зноемъ лучей,
Въ край чужой угоняли далекій
Отъ родимой семьи и друзей.
По колѣно въ грязи мы бродили,
Иногда задыхались въ пыли,
Тамъ насъ голодомъ, жаждой морили
И затѣмъ насъ подъ пули вели.

(Припѣвъ).

Богачи между тѣмъ пировали
Собираясь въ палаты свои;
Мы-жъ не знали, за что погибали,
Далеко отъ родимой семьи.
Не за вѣру мы, братья, страдали,
Не отечеству жертву несли,

Мы за то свою жизнь отдавали,
Чтобъ богатства злодѣевъ росли.
(Припѣвъ).

Насъ попы за одно съ богачами
Натравляютъ на свой-же народъ,
Прочь, торговцы святыми словами,
Мы идемъ за свободу впередъ!
Мы узнали, какъ насъ вы цѣнили,—
Въ грошъ солдатская шла голова,
Богъ и царь, и отечество были
Лишь одни подставныя слова.
(Припѣвъ).

Прочь съ дороги, презрѣнные гады,
Мы къ родному народу пойдемъ,
Создадимъ изъ любви баррикады
И къ побѣдѣ его позовемъ.
Отречемся-жъ отъ гнуснаго рабства,
Отъ преступной присяги своей,
Вспомнимъ, братья, мы заповѣдь братства.
„Не клянись головою своей".
(Припѣвъ).

«ВЪ ОКОПЫ ДЕЗЕРТИРЫ»!

Заводчики, купцы, помѣщики, банкиры
Укрылись отъ войны. „Въ окопы, дезертиры.
Свободу здѣсь, въ тылу, за деньги вы купили,
За счетъ народныхъ силъ милліоны сколотили
Довольно грабить вамъ, въ крови людской купаться,
Пѣть гимны о войнѣ, травить и наживаться,
Обманомъ на убой вы, какъ скотовъ, насъ гнали,—
Милліоны лучшихъ силъ отъ вашей травли пали.
Вѣками въ кабалѣ мы вашей изнывали,
Вѣками во дворцахъ съ царемъ вы пировали...
Довольно! Подъ ружье, помѣщики, банкиры,
Заводчики, купцы... „Въ окопы, дезертиры!

Солд. зап. воздух. бат. муз. Б, Ганцевъ.
(„Солдатская Правда" 35] 31 мая 1917 г.

ПОХОРОННЫЙ МАРШЪ.

Вы жертвою пали въ борьбѣ роковой
Любви беззавѣтной къ народу,
Вы отдали все, что могли за него—
И жизнь свою, счастье, свободу.
Порой изнывали по тюрьмамъ сырымъ...
Свой судъ безпощадный надъ вами

Враги-палачи изрекали порой
И шли вы, гремя кандалами.
Идете усталые, цѣпью гремя,
Закованы руки и ноги,
Спокойно и гордо свой взоръ устремивъ
Впередъ по пустынной дорогѣ.
А знойное солнце нещадно палитъ,
И дышется трудно отъ пыли,
И живо дорогой вы вспомните тѣхъ,
Кто прежде, какъ вы, проходили...
Нагрѣлися цѣпи отъ жгучихъ лучей
И въ тѣло впилися змѣями,
И каплетъ на землю горячая кровь
Изъ ранъ растравленныхъ цѣпями
А деспотъ пируетъ въ роскошномъ дворцѣ,
Тревогу виномъ заливая,
Но грозныя буквы давно на стѣнѣ
Чертитъ ужъ рука роковая.
Падетъ произволъ и возстанетъ народъ
Великій, могучій свободный!
Прощайте-же, братья! Вы честно прошли
Свой доблестный путь благородный!

ПАМЯТИ НАРОДОВОЛЬЦА ЧЕРНЫШЕВА.

Замученъ тяжелой неволей,
Ты славною смертью почилъ...
Въ борьбѣ за народное дѣло
Ты голову честно сложилъ.
Служилъ ты недолго, но честно
Для блага родимой земли
И мы, твои братья по дѣлу,
Тебя на кладбище снесли...
Нашъ врагъ надъ тобой не глумился,
Вокругъ тебя были свои...
Мы сами, родимый, закрыли
Орлинныя очи твои...
Не горе намъ душу давило,
Не слезы блистали въ очахъ,
Когда мы, прощаясь съ тобою,
Землей засыпали твой прахъ.
Нѣтъ, злоба насъ только душила,
Мы къ битвѣ съ врагами рвались
И мстить за тебя безпощадно
Надъ прахомъ твоимъ поклялись. .
Одна намъ съ тобою дорога:
Какъ ты, мы по тюрьмамъ сгніемъ...

Какъ ты, за народное дѣло
Мы головы наши снесемъ.
Какъ ты, мы, быть можетъ, послужимъ
Лишь почвой для новыхъ людей,
Лишь грознымъ пророчествомъ новыхъ,
Грядущихъ и доблестныхъ дней..
Но знаемъ, какъ зналъ ты, родимый,
Что скоро изъ нашихъ костей
Подымется мститель суровый
И будетъ онъ насъ посильнѣй!

НАРОДОВОЛЬЧЕСКІЙ ГИМНЪ.

Смѣло, друзья, не теряйте
Бодрость въ неравномъ бою,
Родину-мать вы спасайте,
Честь и свободу свою!
Если-жъ погибнуть придется
Въ тюрьмахъ и шахтахъ сырыхъ—
Дѣло всегда отзовется
На поколѣньяхъ живыхъ!
Пусть насъ по тюрьмамъ сажаютъ,
Пусть насъ пытаютъ огнемъ,
Пусть въ рудники насъ ссылаютъ,
Пусть мы всѣ казни пройдемъ.
Если жъ погибнуть и т. д.
Стонетъ и тяжко страдаетъ
Русскій забитый народъ,
Руки онъ къ намъ простираетъ,
Насъ онъ на помощь зоветъ.
Если-жъ погибнуть и т. д.
Часъ обновленья настанетъ,
Воли добьется народъ,
Добрымъ насъ словомъ помянетъ,
Къ намъ на могилу придетъ.
Если-жъ погибнуть и т. д.
Чтожъ, пусть погибнуть придется
Въ тюрьмахъ и шахтахъ сырыхъ—
Дѣло всегда отзовется
На поколѣньяхъ живыхъ!

МАРСЕЛЬЕЗА

Отречемся отъ стараго міра
Отряхнемъ его прахъ съ нашихъ ногъ!
Мы не чтимъ золотого кумира,
Ненавистенъ намъ царскій чертогъ
Мы пойдемъ къ нашимъ страждущимъ братьямъ,
Мы къ голодному люду пойдемъ,
Съ нимъ пошлемъ мы злодѣямъ проклятья,
На борьбу мы его позовемъ

Вставай подымайся рабочій народъ!
Вставай на враговъ людъ голодный!
Раздайся кличъ мести народной!
Впередъ! Впередъ! Впередъ!
Богачи—кулаки жадной сворой
Расхищаютъ тяжелый твой трудъ,
Твоимъ потомъ жирѣютъ обжоры,
Твой послѣдній кусокъ они рвутъ
Голодай, чтобъ они пировали,
Голодай, чтобъ въ игрѣ биржевой
Они совѣсть и честь продавали,
Чтобъ глумились они надъ тобой.
Вставай, поднимайся... и т. д.
Тебѣ отдыхъ одна лишь могила,
Весь свой вѣкъ недоимку готовь,
Царь вампиръ изъ тебя тянетъ жилы,
Царь вампиръ пьетъ народную кровь.
Ему нужны для войска солдаты—
Подавай же ему сыновей!
Ему нужны пиры и палаты—
Подавай ему крови своей!
Вставай, подымайся.. и т. д
Не довольно-ли вѣчнаго горя?
Будемъ дружно бороться заразъ
Отъ Днѣпра и до Бѣлаго моря,
Отъ Поволжья на Дальній Кавказъ.
На враговъ, на собакъ, на богатыхъ
И на злого вампира—царя!
Бей губи ихъ, злодѣевъ проклятыхъ!
Засвѣтись, новой жизни заря!
Вставай, поднимайся... и т. д.
И взойдетъ за кровавой зарею
Солнце правды и братской любви,
Хоть купили мы страшной цѣною—
Кровью нашею счастье земли.
И настанетъ година свободы,
Сгинетъ зло, сгинетъ ложь навсегда,
И сольются въ одно всѣ народы
Въ вольномъ царствѣ святого труда.
Вставай, поднимайся... и т. д.

КРАСНОЕ ЗНАМЯ.

(Съ польскаго).

Слезами залитъ міръ безбрежный,
Вся наша жизнь—тяжелый трудъ.
Но день настанетъ неизбѣжный—
Неумолимо-грозный судъ!
Лейся въ даль, нашъ напѣвъ мчись кругомъ
Надъ міромъ знамя наше вѣетъ
И несетъ кличъ борьбы, мести громъ,

Сѣмя грядущаго сѣетъ —
Оно горитъ и ярко рдѣетъ:
То наша кровь горитъ огнемъ,
То кровь работниковъ на немъ!
Лейся вдаль, нашъ напѣвъ, и т. д.
Пусть слуги тьмы хотятъ насильно
Связать разорванную цѣпь,
Слѣпое зло падетъ безсильно,
Добро не можетъ умереть!
Лейся въ даль, нашъ напѣвъ и т. д.
Безумный гнетъ, тупой, холодный,
Готовъ погибнуть, наконецъ.
Намъ будетъ счастьемъ трудъ свободный
И братство дастъ ему вѣнецъ.
Лейся въ даль, нашъ напѣвъ, и т. д.
Впередъ, друзья! Идемъ всѣ вмѣстѣ,
Рука съ рукой и мысль одна!
Кто скажетъ бурѣ: „Стой на мѣстѣ!?“
Чья власть на свѣтѣ такъ сильна?
Лейся въ даль, нашъ напѣвъ, и т. д.
Долой тирановъ! Прочь оковы!
Не нужно старыхъ рабскихъ путъ!
Мы путь землѣ укажемъ новый,
Владыкой міра будетъ трудъ!
Лейся въ даль, нашъ напѣвъ, и т. д.

КРАСНОЕ ЗНАМЯ

Насъ давитъ, товарищи, власть капитала,
Царящаго мощно повсюду;
Давно ужъ, товарищи, время настало
Проснуться рабочему люду.
На бой насъ давно вызываетъ,
Буржуй, врагъ царящій повсюду!
Пусть красное знамя собой означаетъ
Побѣду рабочаго люда.
Насъ грабятъ нещадно, увѣчатъ, штрафуютъ,
Толпами насъ гонятъ въ могилу,
Недолго, однакожъ, нашъ врагъ поликуетъ—
Ужъ наша пора наступила.
На бой насъ давно и т. д.
Полиція къ порядку штыкомъ призываетъ,
Попъ чушь намъ городитъ съ амвона;
Царь-батюшка только головкой киваетъ,
Буржуй, знать, хозяинъ у трона.
На бой насъ давно и т. д.
Долой же, товарищи, власть капитала!
Пусть рухнетъ міръ старый повсюду!
Къ оружью, товарищи! Время настало
Подняться рабочему люду.
На бой насъ давно и т. ъ.

* * *

Дружно, товарищи, въ ногу,
Духомъ окрѣпнемъ въ борьбѣ,
Въ царство свободы дорогу
Грудью проложимъ себѣ. (2 раза).
Вышли мы всѣ изъ народа —
Дѣти семьи трудовой
„Братскій союзъ и свобода“ —
Вотъ нашъ девизъ боевой. (2 р.)
Долго въ цѣпяхъ насъ держали,
Долго насъ голодъ томилъ,
Черные дни миновали,
Часъ искупленья пробилъ. (2 р.)
Время за дѣло приняться,
Въ бой поспѣшимъ поскорѣй,
Нашей-ли рати бояться
Призрачной силы царей? (2 р.)
Все, чѣмъ держались ихъ троны,—
Дѣло рабочей руки—
Сами набьемъ мы патроны,
Къ ружьямъ привинтимъ штыки (2 р.).
Съ вѣрой святой въ наше дѣло,
Дружно сомкнувши ряды,
Въ битву мы выступимъ смѣло
Съ игомъ проклятой нужды (2 р.)
Сломимъ могучей рукою
Гнетъ роковой навсегда
И водрузимъ надъ землею
Братское знамя труда! (2 раза).

ВАРШАВЯНКА.

(Съ польскаго).

Вихри враждебные воютъ надъ нами,
Темныя силы насъ злобно гнетутъ,
Въ бой роковой мы вступали съ врагами,
Насъ еще судьбы безвѣстныя ждутъ.
Но мы поднимемъ гордо и смѣло
Знамя борьбы за рабочее дѣло,
Знамя великой борьбы всѣхъ народовъ
За лучшій міръ, за святую свободу.
На бой кровавый,
Святой и правый,
Маршъ, маршъ, впередъ,
Рабочій народъ! (весь куплетъ 2 раза).
Мретъ въ наши дни съ голодухи рабочій,
Станемъ ли братья мы, дольше молчать?
Нашихъ сподвижниковъ юныя очи

Можетъ-ли видъ эшафота пугать?
Въ битвѣ великой не сгинутъ безслѣдно
Павшіе съ честью во имя идей,
Ихъ имена съ нашей пѣсныю побѣдной
Станутъ священны милліонамъ людей...
На бой кровавый и т. д. (2 р.)
Намъ ненавистны тирановъ короны,
Цѣпи страдальца-народа мы чтимъ,
Кровью народной залитые троны
Мы кровью нашихъ враговъ обагримъ
Месть безпощадная всѣмъ супостатамъ,
Всѣмъ паразитамъ трудящихся массъ,
Мщенье и смерть всѣмъ царямъ-плутократамъ,
Близокъ побѣды торжественный часъ!
На бой кровавый и т. д. (2 р).

* * *

Бѣснуйтесь тираны, глумитесь надъ нами,
Грозите свирѣпо тюрьмой, кандалами!
Мы вольны душою, хоть тѣломъ попраны.
Позоръ, позоръ, позоръ вамъ тираны!
Пусть слабые духомъ трепещутъ предъ вами,
Торгуютъ безстыдно святыми правами,
Тѣлесной неволи не страшны намъ раны'
Позоръ, позоръ, позоръ вамъ тираны!
За тяжкимъ трудомъ въ долѣ вѣчнаго рабства
Народъ угнетенный вамъ копитъ богатства,
Но рабство и муки не сломятъ титана
На страхъ, на страхъ, на страхъ вамъ, тираны!
Въ рудникахъ подъ землей, за станкомъ и на полѣ
Вездѣ раздаются ужъ пѣсни о волѣ
И звуки той пѣсни доходятъ до троновъ
На страхъ, на страхъ, на страхъ всѣмъ тиранамъ!
Сверкайте-жъ штыками, грозите петлями —
Спасти васъ не могутъ казармы съ тюрьмами
Вашъ собственный страхъ не сковать вамъ цѣпями!
И стыдъ, и страхъ, и месть вамъ, тираны!
Отъ пролитой крови заря заалѣла,
Могучая всюду борьба закипѣла,
Пожаромъ возстанья объяты всѣ страны,
И смерть, и смерть, и смерть вамъ, тираны!

ПѢСНЬ ПРОЛЕТАРІЕВЪ.

(На мотивъ марсельезы).

Мы марсельезы гимнъ старинный
На новый ладъ теперь споемъ —

И пусть трепещутъ властелины
Передъ проснувшимся врагомъ!
Пусть пѣсни мощной и свободной
Ихъ поразить, какъ грозный бичъ.
Могучій зовъ, побѣдный кличъ,
Великій кличъ международный:
Пролетаріи всѣхъ странъ,
Соединяйтесь въ дружный станъ!
На бой, на бой,
На смертный бой
Вставай, народъ титанъ!
Вѣками длится бой упорный...
Не разъ мятежною рукой
Народъ платилъ за гнетъ позорный
И разрушалъ за строемъ строй...
Но никогда призывъ свободный
Такою мощью не дышалъ,
Такой угрозой не звучалъ,
Какъ этотъ кличъ международный:
„Пролетаріи всѣхъ странъ и т. д.
Силенъ нашъ врагъ-буржуазія!
Но вслѣдъ за ней на страшный судъ,
Какъ неизбѣжная стихія,
Ея могильщики идутъ.
Она сама рукой безпечной
Куетъ тотъ мечъ, которымъ мы,
Низвергнувъ власть позорный тьмы
Проложимъ путь къ свободѣ вѣчной...
Пролетаріи и т. д.
Не устрашитъ насъ бой суровый..
Нарушивъ вашъ кровавый пиръ,
Мы потеряемъ лишь... оковы,
Но завоюемъ-цѣлый міръ!
Дрожите-жъ, жалкіе тираны!
Уже подхваченъ этотъ зовъ:
Подъ краснымъ знаменемъ борцовъ
Ужь подымаются всѣ страны!..
Пролетар и и т. д.
Въ странѣ, подавленной безправьемъ, —
—Вамъ слышно-ль? близокъ ураганъ:
То въ смертный бой съ самодержавьемъ
Вступаетъ русскій великанъ.
Передъ зарею пробужденья
Уже блѣднѣетъ ваша тѣнь...
Впередъ, на бой! предъ нами день—
Великій день освобожденья...
Пролетаріи всѣхъ странъ и т д.

ИНТЕРНАЦІОНАЛЪ*).

(Международный гимнъ рабочихъ).

Вставай, проклятьемъ заклейменный
Весь міръ голодныхъ и рабовъ!
Кипитъ нашъ разумъ возмущенный
И въ смертный бой вести готовъ.
Весь міръ насилья мы разрушимъ
До основанья, а затѣмъ
Мы свой, мы новый міръ построимъ:
Кто былъ ничѣмъ, тотъ станетъ всѣмъ!
Это будетъ послѣдній
И рѣшительный бой—
Съ Интернаціоналомъ
Воспрянетъ родъ людской.
Никто не дастъ намъ избавленья
Ни Богъ, ни царь и ни герой,
Добьемся мы освобожденья
Своею собственной рукой.
Чтобъ свергнуть гнетъ рукой умѣлой,
Отвоевать свое добро,—
Вздувайте горнъ и куйте смѣло,
Пока желѣзо горячо!
Это будетъ послѣдній и т. д.
Лишь мы работники всеміpной
Великой арміи труда
Владѣть землей имѣемъ право,
Но паразиты—никогда!
И если громъ великій грянетъ
Надъ сворой псовъ и палачей,
Для насъ все такъ-же солнце станетъ
Сіять огнемъ своихъ лучей...
Это будетъ послѣдній... и т. д.

Конецъ.

---

*) Содержаніе гимна и мотивъ одинаковые во всѣхъ странахъ.